

A man with long, dark, wavy hair and a light beard, wearing a black blazer over a black t-shirt, stands behind a woman. The woman has long, blonde, wavy hair and is wearing a black strapless corset-style top. She is leaning her head against the man's chest and looking towards the camera with a slight smile. The background is a soft, warm, beige color.

**АСЯ
ПЕТРОВА**

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

ИЗМЕНА

И ЕГО ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ

Ася Петрова

Измена и его параллельная жизнь

«Литнет»

2026

Петрова А.

Измена и его параллельная жизнь / А. Петрова — «Литнет»,
2026

— Ты где был всю ночь?— На работе, дорогая. Сколько можно проверять? Я же для семьи стараюсь!— Для семьи? А та женщина, с которой ты только что был в съёмной квартире, тоже «для семьи»? Муж замирает с телефоном в руке. На его лице впервые за годы появляется настоящая паника. Что делать, когда твой идеальный муж уже несколько лет ведёт полноценную параллельную жизнь? Вторая квартира, вторая «жена», даже ребенок есть... и ни капли вины в глазах, пока он не осознает, что я всё знаю.***Я стояла и слушала, как он смеётся с ней по телефону теми же словами, что когда-то говорил мне. Сердце не просто разрывалось — оно горело. Но я не заплакала. Я улыбнулась. Больше не буду наивной душой. Я заберу всё: детей, деньги и его спокойствие. Я заставлю его почувствовать каждую секунду той боли, которую он мне причинил. Чем глубже я роюсь в его двойной жизни, тем страшнее правда. И тем слаще будет месть. Книга участвует в литмобе «Терпи мои измены»;

© Петрова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Идеальная иллюзия	5
Глава 2. Первое подозрение	8
Глава 3. Неоспоримые доказательства	10
Глава 4. Шок и решение молчать	12
Глава 5. Ночь решений	15
Глава 6. Первая встреча с адвокатом	17
Глава 7. Разговор с дочерью	19
Глава 8. Роман приходит «помириться»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глава 1. Идеальная иллюзия

— Доброе утро, солнышко, — раздается над ухом хриплый голос Романа.

Его горячее дыхание обжигает мочку, и я неосознанно выгибаюсь в спине, прижимаясь к мужу всем телом. Удивительно, как после стольких лет совместной жизни он умудряется одним звуком пробуждать во мне эту мгновенную, глухую потребность в нем.

Высокий, широкоплечий, со спокойной уверенностью в каждом движении — мужчина, привыкший подчинять себе обстоятельства. Сейчас, с растрепанными темными волосами и мягким взглядом карих глаз, он кажется абсолютно, безраздельно моим.

Я закидываю руки ему за шею, утыкаясь носом в теплую ложбинку над ключицей. От Романа всегда пахнет вкусно, даже после долгого сна его тело сохраняет аромат дорогого парфюма.

— М-м-м, еще пять минут... — бормочу я, коснувшись губами его кожи.

Роман низко, грудно смеется. Его тяжелая ладонь скользит под тонкий шелк ночной сорочки, обжигая поясницу, и собственническим жестом сжимает ягодицу.

— Дети уже на ногах. Слышишь этот филиал цирка?

Из коридора действительно долетает залиvistый детский смех и заговорщический, нарочито громкий шепот дочери, на который сын отвечает тонким хихиканьем. Я счастливо вздыхаю и наконец размыкаю веки. Солнечные лучи режут полумрак спальни, прочерчивая на паркете ровные золотые полосы. Безупречное начало безупречного дня.

Спустив ноги с кровати, я набрасываю короткий халат и нарочно замедляюсь у зеркала, перехватывая пояс. В отражении вижу, как Роман провожает взглядом мои обнаженные бедра. Этот долгий, оценивающий взгляд мужчины, который до сих пор хочет свою жену, отзывается внутри приятным уколом тщеславия.

Я оборачиваюсь и улыбаюсь ему. Наша близость не случайность — это ежедневная, обоюдная работа, в которую я вкладываю всю себя.

На кухне уже бурлит жизнь. Пока на сковороде схватывается яичница с пряными травами и тертым сыром — именно так, как любит муж, — Роман возится у кофемашины. На стол ставятся две чашки: ему — обжигающе черный, горький, мне — мягкий, разбавленный молоком и приправленный щепоткой корицы.

Дети крутятся рядом: дочка хмурится над раскрытым учебником, сын увлеченно размазывает фломастер по альбому.

— Мам, ну почему дробы такие противные? — надувает губы дочь, в упор глядя на страницу.

Я подхожу сзади, обнимаю ее за худенькие плечи и целую в пушистую макушку.

— Потому что жизнь вообще штука дробная, котенок. Но если научиться правильно их складывать, в итоге всегда получается что-то целое.

Роман, откусывающий тост, одобрительно подмигивает мне поверх чашки.

— Твоя мама знает, о чем говорит. Слушай ее.

Его нога под столом легонько задевает мою лодыжку. Простой, интимный жест, понятный только нам двоим.

Мы переглядываемся, словно заговорщики, пока дети продолжают щебетать о своих пустяках. Между нами привычно проскакивает искра.

Утренний семейный хаос завершается взрывом смеха. Роман поднимается, застегивая пуговицы темно-синего пиджака перед зеркалом в прихожей. В этом костюме, идеально сидящем на его фигуре, он выглядит подчеркнуто строго и дорого.

— У меня сегодня тяжелый день, переговоры затянутся, — предупреждает он, поправляя узел галстука. — Вернусь поздно, родная, так что не жди к ужину.

Я шагаю к нему, бережно разглаживая несуществующую складку на его воротнике. Приподнявшись на цыпочки, я впиваюсь в его губы долгим, тягучим поцелуем, напоследок слегка прикусив нижнюю губу.

— Удачи, любимый. Буду ждать.

Он коротко улыбается, собственнически шлепает меня на прощание и выходит.

День катится по накатанным рельсам семейной рутины. Я терпеливо растолковываю дочке правила деления, хотя внутри все сжимается от нежности — хочется просто затискать ее и сказать, что никакие цифры не стоят этих расстроенных слез. Потом мы с сыном строим замок из лего, я кручусь у плиты, напевая под нос какую-то навязчивую мелодию из радио. Все идет своим чередом. Правильно, размеренно, безопасно.

Ближе к вечеру обнаруживается, что в холодильнике закончились продукты. Мой кроссовер стоит в автосервисе, поэтому я без задней мысли беру с комода запасные ключи от второй машины Романа.

Быстро преодолеваю ряды машин в подземном паркинге нашего ЖК, сажусь в машину мужа и опускаю ладонь на руль, ловя мимолетное ощущение его присутствия.

Но когда я наклоняюсь к пассажирскому сиденью, чтобы поднять выскользнувший из кармана телефон, взгляд цепляется за что-то чужеродное под ковриком.

Галстук. Шелковый, графитового цвета, с едва заметным выбитым узором. Я замираю. У Романа нет такого галстука — я знаю его гардероб наизусть, до последней пары носков. Подняв ткань, я подношу ее к лицу.

В нос ударяет чужой аромат. Не удушливый, а тонкий, дорогой, пудрово-сладкий. Запах женских духов с отчетливой нотой ванили и белых цветов. Он буквально въелся в шелк.

Кажется, я даже знаю бренд этих духов... Мне они, кстати, не подошли.

В груди противно, глухо екает. Кто-то сидел здесь? Забыл? Или это просто дурацкая случайность — мало ли, ассистентка Ромы, или он подвозил коллегу по работе, которая обронила вещь?

Мужчины часто не замечают таких мелочей, а я не из тех истеричных ревнивых жен. Поводов не было за столько лет совместной жизни.

Заставляю себя глубоко вздохнуть, аккуратно сворачиваю шелковую ленту и возвращаю ее на место. Глупости. Нельзя позволять мимолетной паранойе разрушать то, что строилось годами. Я решительно захлопываю дверцу, выкидывая эту мысль из головы.

Роман возвращается, когда дом уже погружается в полумрак. На его лице читается крайняя усталость, но стоит ему увидеть меня, как жесткие морщины у губ разглаживаются. Он притягивает меня к себе, глухо выдыхает куда-то в макушку и крепко, до хруста в ребрах, обнимает.

— Как вы тут без меня? — тихо спрашивает, утыкаясь лицом в мою шею.

Его губы горячие, а ладони, уверенно легшие на талию, прогоняют последние остатки дневной тревоги. Находка в машине кажется мне нелепым, постыдным сном. Вот он, здесь, со мной.

Его тело, его тепло — все это принадлежит мне.

После позднего ужина и привычного ритуала укладывания детей — сказка на ночь, поцелуи в обе щеки, приглушенный свет ночника — мы наконец остаемся одни. Роман смотрит на меня тем самым взглядом, от которого внутри все сладко тянет.

Темным, тяжелым, обещающим.

В спальне мы не разговариваем. Он толкает меня спиной к стене, перехватывая запястья, и целует — жадно, почти зло, словно сбрасывая груз дневного напряжения.

Шелковый халат бесшумно скользит к моим ногам. Роман знает каждый изгиб моего тела, каждую точку, способную заставить меня дышать чаще. Я тихо стону, когда его губы спускаются к шее, к груди, оставляя влажные дорожки, а затем он опускается на колени. Грубые

пальцы и язык работают с пугающей, безупречной точностью, доводя меня до исступления. Я слепо зарываюсь в его волосы, выгибаясь навстречу этому сладкому мучению.

Когда он входит в меня — глубоко, мощно, — мы ловим тот самый, выверенный годами ритм. Удовольствие накатывает предсказуемыми, но от этого не менее острыми волнами.

Я царапаю его обтянутые мышцами плечи, сдерживая крик, кусаю собственную губу. Все привычно, горячо, правильно. Срываюсь в оргазм первой, судорожно сжав мужа в объятиях, и спустя несколько резких толчков Роман следует за мной, глухо рыча мне в плечо.

Но в самый пик, за секунду до того, как уткнуться лицом в подушку, я открываю глаза. Роман смотрит прямо перед собой. Его взгляд направлен на стену над моей головой — пустой, остекленевший, бесконечно далекий.

В этих глазах нет меня. Он находится где угодно, в каком угодно пространстве и времени, но только не в этой постели. Не со мной.

Холодная судорога прошивает позвоночник. Я поспешно замуриваюсь, прижимаясь к его влажной груди, пока мы оба пытаемся восстановить дыхание. *Он просто вымотан. Тяжелые переговоры. Слишком много работы,* — как заклинание повторяю про себя, чувствуя, как внутри разрастается липкий, необъяснимый страх.

Рома засыпает почти мгновенно, тяжело навалившись на меня со спины и закинув руку на талию. Его мерное, сонное дыхание щекочет шею. Я лежу во тьме, уставившись в потолок, и изо всех сил пытаюсь вернуть утреннее ощущение идеального счастья. Но картинка рассыпается.

В тишине комнаты раздается короткий звук. На тумбочке со стороны Романа вибрирует телефон.

А я будто и ждала неосознанного этого сигнала...

Экран вспыхивает, разрезая темноту спальни резким синеватым светом. Медленно, стараясь не потревожить спящего мужа, поворачиваю голову.

На дисплее висит одно короткое уведомление от контакта «Н».

И следом — одинокий, ярко-алый значок сердца. ♥#

Воздух в легких мгновенно леденеет. Сердце делает один тяжелый, болезненный удар и, кажется, перестает биться совсем.

Я смотрю на светящийся прямоугольник, пока экран не гаснет, снова погрузив комнату в непроглядную, удушающую тьму.

Глава 2. Первое подозрение

Слабый лунный свет едва пробивается сквозь плотную ткань штор, рассекая темноту спальни тусклой полосой. Я просыпаюсь не от звука, а от едва уловимого движения рядом. Матрас слегка качается. Роман сидит на краю кровати, спиной ко мне, и его силуэт в полумраке кажется чужим и каким-то угловатым. Плечи напряжены, голова опущена. В руке тускло светится прямоугольник смартфона. Пальцы быстро, почти лихорадочно скользят по стеклу, отражая бледный блик на его лице. Секунда, и он резким, виноватым жестом роняет аппарат на тумбочку экраном вниз.

Удары сердца мгновенно становятся тяжелыми и гулкими. Я замираю, боясь выдать себя даже неровным выдохом, и сквозь щелочки приоткрытых ресниц наблюдаю за ним. Роман проводит ладонью по лицу, словно стирая наваждение, глубоко вздыхает и поднимается. Спустя мгновение за дверью ванной скрывается его фигура, и до меня доносится глухой, ровный шум пущенной воды.

Я остаюсь один на один со своими мыслями. В груди, где-то под ребрами, ворочается что-то мелкое, липкое — еще не осознанный страх, а лишь его предчувствие. Рука сама, повиная слепому импульсу, тянется к его тумбочке. Пальцы находят прохладный корпус. Экран вспыхивает, требуя пароль. Набираю привычную комбинацию из четырех цифр, которую за годы выучила до автоматизма, но система выдает короткую, безжалостную вибрацию. Ошибка. Пытаюсь снова, вбивая дату его рождения. Ошибка. Код изменен.

Вода в душе продолжает шуметь. Ритм пульса переходит на сумасшедший бег, толкаясь уже где-то в горле. Переборов секундное оцепенение, я бесшумно выдвигаю ящик тумбочки. Среди аккуратных стопок документов, наручных часов и запонок белеет пара смятых листков. Чеки. Бумажная термолента из загородного отеля. Даты — двухмесячной давности, как раз когда у него была та «тяжелая субботняя конференция». Номер люкс. И строчка, которая бьет наотмашь: два VIP-завтрака.

Пальцы сами сжимаются в кулак, превращая чеки в ничтожный бумажный комок. Воздуха в легких критически не хватает.

Это просто глупость, — приказывает мне рассудок, пока я судорожно пытаюсь выстроить защиту. — Обычные представительские расходы. Он мог обедать с партнером. Мужчины так делают. Но формулировка «завтрак в номер» не поддается никакой деловой логике.

Поток воды в ванной обрывается, и наступает тишина. В панике я разглаживаю бумажки, швыряю их обратно в недра ящика и запрыгиваю под одеяло, принимая прежнюю позу. Сердце колотится так безумно, что, кажется, его стук слышен на всю комнату.

Утром я виртуозно играю свою лучшую роль. Привычно улыбаюсь детям, слежу, чтобы яичница не пригорела, наливаю Роману крепкий кофе и привычным движением поправляю идеальный воротник его рубашки. Но внутри меня все натянуто до предела, готовое лопнуть от малейшего прикосновения. И он это чувствует. Муж слишком хорошо знает пластику моего тела, чтобы не заметить фальши.

— Ты какая-то скованная сегодня, — замечает Роман между глотками кофе, и его ладонь медленно скользит по моей лопатке.

Обычно это тепло убаюкивает, но сейчас оно оставляет на коже почти физический ожог.

— Просто не выспалась, голова тяжелая, — я заставляю лицевые мышцы подчиниться и выдаю безупречную, широкую улыбку.

Днем я набираю номер подруги. Мой тон — сама легкость и беззаботность. Мы битый час обсуждаем детские кружки, капризы погоды и новые расценки в нашем спа-салоне. Я исправно смеюсь, выдаю уместные реплики, держу марку. Ни слова о ночной сцене. Ни звука о новом пароле. Ни намек на то, что прямо сейчас внутри моей идеальной жизни с тихим треском

расползается ледяная трещина. Я слишком долго была той самой Валерией, которая не опускается до банальных истерик. Которая доверяет. Которая держит фасад.

Вечером Роман ломает привычный сценарий и возвращается непривычно рано. В руках у него огромный букет белых роз, моих любимых. На кухне он подходит со спины, берет в кольцо рук и утыкается губами в чувствительную точку за ухом.

— Давай оставим все заботы за дверью, — выдыхает он, и его ладони уверенно опускаются на мои бедра, сминая домашнее платье.

Я покорно киваю, но собственное тело слушается меня с какой-то механической задержкой. Ужин проходит словно в тумане, детей удастся уложить быстрее обычного, а затем Роман настойчиво увлекает меня в спальню. Его поцелуи, голодные, почти требующие искупления. Он раздевает меня, задерживаясь губами на каждом сантиметре кожи, опускается все ниже, пока я не оказываюсь во власти его рук и губ. Я по привычке выгибаюсь, впиваюсь пальцами в простыню, издаю нужные звуки. Когда он входит в меня, я смыкаю ноги у него на пояснице, подстраиваясь под рванный темп. Все как всегда.

Накатанно. Страстно.

Вот только сознанием я нахожусь где-то под потолком, безучастно наблюдая за этой идеальной парой со стороны.

С коротким, хриплым рыком Роман изливается и падает рядом, накрывая меня своим тяжелым плечом.

— Я так люблю тебя... — бормочет он уже сквозь подступающий сон.

Я ничего не отвечаю. Лишь машинально перебираю пальцами его волосы на груди, дожидаясь, пока его дыхание не станет глубоким и ровным.

А затем аккуратно выбираюсь из-под его руки. Иду в ванную, плотно закрываю дверь и щелкаю выключателем. Резкий неоновый свет режет глаза.

Из зеркала на меня смотрит ухоженная, красивая женщина. Губы чуть припухли от недавних поцелуев, волосы живописно растрепаны.

Вот только в глазах — холодная, мертвая пустота и впервые оформившееся, осязаемое сомнение. Наблюдая за собственным отражением, я чувствую, как по щекам беззвучно катятся слезы. Горячие, крупные капли. Без единого всхлипа, без жалости к себе, я просто плачу, глядя на дуру, которая положила жизнь на алтарь глянцевого благополучия и до последнего цеплялась за иллюзию безопасности.

Тщательно смываю следы слабости ледяной водой. Делаю медленный, очищающий вдох. Мое время для истерик еще не пришло. Сейчас нужно молчать, наблюдать и хладнокровно собирать факты.

Я возвращаюсь в спальню, где мирно спит мой муж. Его дизайнерские брюки небрежно брошены на спинку стула. Ловким, отточенным движением я проверяю карманы. Пальцы ныряют в кожаное нутро кошелька и за веером золотых кредиток натываются на плотный картон.

Визитка. Элитный салон красоты в центре города, изящное тиснение. На обороте — размашистый, явно женский почерк: имя «Натали» и прямой мобильный номер.

Сердце пропускает удар, превращаясь в кусок льда.

Я аккуратно возвращаю визитку на место, ложусь на свою половину кровати и уставляюсь в глухую темноту потолка.

Наша безупречная иллюзия начинает осыпаться прямо мне на голову, слой за слоем.

Глава 3. Неоспоримые доказательства

Утро обрушивается на меня привычной суетой, но теперь в ней сквозит едва уловимый фальшивый тон. Роман вихрем влетает в кухню, на ходу перехватывая ключи от машины и папку с бумагами. Его лицо сосредоточено, а между бровей залегла жесткая складка.

— Черт, совсем из головы вылетело. У меня экстренная встреча в центре, — начинает он, бросая взгляд на часы. — Телефон оставил в кабинете на зарядке, пусть пока полежит. Если что-то срочное, наберу с рабочего.

Он касается моих губ быстрым, сухим поцелуем, и входная дверь с грохотом захлопывается. Я остаюсь стоять посреди пустой кухни с остывающей чашкой в руках. Внутри, расталкивая ночную оцепенелость, поднимается странная, колючая волна. Это шанс. Опасный, пугающий, но не оставляющий выбора.

Несколько минут я бессмысленно перемещаюсь по комнатам, пытаюсь убедить себя остановиться и не рушить остатки покоя. Но ноги сами ведут меня вглубь коридора — к двери его кабинета. Смартфон лежит на столе, привязанный к белому шнуру зарядного устройства. Я беру его в ладонь, и кожа на пальцах кажется неестественно чувствительной, подушечки едва заметно подрагивают.

Пароль. Дата нашей свадьбы. Первая, интуитивная попытка. Экран щелкает и открывает рабочий стол. Я делаю резкий, рваный выдох, будто все это время не дышала.

Пульс бьет в виски с такой силой, что перед глазами понемногу плывет. Присев в его глубокое рабочее кресло, я открываю мессенджер. Взгляд цепляется за верхние строчки.

Две женщины. Два параллельных мира, о которых я не имела понятия.

Первый диалог — с контактом «Л.». Переписка забита короткими, хлесткими фразами, от которых щеки начинает обжигать стыд.

«Когда ты снова меня так трахнешь? Не могу забыть, как ты меня брал на столе в номере...».

Чуть ниже прикреплен медиафайл. Снимок обнаженной женской груди с затвердевшими сосками, на округлом бедре лежит крупная мужская ладонь. Я узнаю эти вены на запястье, этот рисунок линий — я целовала эту руку вчера вечером.

Листаю дальше. Голосовые сообщения. Я не включаю их, но текст над ними говорит сам за себя: *«Ты моя грязная девочка»*. Последняя встреча зафиксирована две недели назад. Роман без тени сомнения пишет ей, что *«скушает по ее киске»*. Каждое слово вбивается в сознание, как осколок стекла.

Второй чат подписан буквой «М.». Здесь тон другой, уже более мягкий, почти нежный, и от этой интимности дышать становится еще труднее.

«Мальши, ты сегодня был невероятен. Когда снова?».

На фотографии — молодая брюнетка в его белой рубашке, наброшенной на голое тело, дерзко улыбается в объектив.

Его ответы бьют наотмашь: *«Ты сводишь меня с ума. Никто не сосёт так, как ты»*. Дальше тянется вереница коротких видеороликов. Затаив дыхание, я запускаю один на минимальной громкости. Чужой приглушенный стон, прерывистый хрип Романа, характерные звуки трущихся тел. Слишком знакомые звуки. Те, что я считала нашей личной, неприкосновенной тайной.

Я сижу неподвижно, не в силах заставить себя закрыть приложения. Желчь подступает к горлу, в желудке завязывается тугий узел. Он дублирует им те же фразы, которыми когда-то опутывал меня. Те же интонации, те же лекала.

«Ты моя единственная».

Дешевая, отрепетированная ложь...

Руки начинают действовать автономно, подчиняясь холодному рассудку. Я достаю собственный телефон и методично, кадр за кадром, фиксирую экран мужа. Переписки, даты, откровенные снимки, чужие лица — все это отправляется в скрытую, защищенную паролем папку. В глазах печет от подступающих слез, но я не позволяю им пролиться. Сейчас во мне нет жалости к себе. Только ярость, которую нужно направить в нужное русло.

Перед тем как покинуть кабинет, я скрупулезно очищаю вкладки приложений, стираю следы своего присутствия и возвращаю аппарат на провод. Все выглядит точно так же, как пятнадцать минут назад.

Вернувшись на кухню, я подхожу к стеллажу. На верхней полке покоится моя любимая кофейная чашка — хрупкий фарфор с тонкой золотой росписью по краю. Роман подарил ее на десятилетие брака, сопроводив открыткой: *«Для моей идеальной жены»*. Я снимаю ее, медленно веду пальцем по безупречно гладкому боку. А затем коротким, яростным движением швыряю ее на плиточный пол.

Острые белые осколки веером разлетаются по сторонам, словно точная копия моего разрушенного в одночасье доверия. Глядя на этот мусор, я наконец даю волю слезам. Горячие, горькие, они текут сплошным потоком. Я опускаюсь на колени прямо посреди этого фарфорового месива, зажимая рот ладонью, чтобы не закричать на весь пустой дом. Боль выжигает все изнутри. Пока я поддерживала иллюзию счастья, создавала уют, готовила ему завтраки и послушно раздвигала ноги по первому знаку, он просто делил себя с другими.

Я принимаюсь собирать осколки дрожащими руками. Один из краев глубоко режет указательный палец, и на светлую плитку падает несколько крупных багровых капель. Эта внезапная, резкая боль приносит странное облегчение. Она тут же отрезвляет.

К вечеру, когда Роман переступает порог, на мне уже надета привычная маска. Мягкая улыбка, накрытый стол, дежурный поцелуй в щеку. Но прежней Валерии больше нет. Теперь я вижу его насквозь.

Пока он шумит водой в ванной, смывая дорожную пыль, я до мельчайших подробностей прокручиваю в голове фразу из его последнего чата — ту, что я успела прочесть перед тем, как заблокировать экран. Короткое сообщение от «Н.», отправленное вчера днем.

«На выходных приеду к нашему малышу. Обещаю, проведу с вами весь день».

Нашему малышу...

Глава 4. Шок и решение молчать

Дверь открывается ровно в семь вечера, секунда в секунду. Роман переступает порог с той самой полуулыбкой, в которой сквозит легкая усталость. По его лицу кажется, что весь этот бесконечный день он только и грезил о возвращении к нам. В руках у него шуршит фирменный пакет из нашей любимой кондитерской. Оставив десерт на консоли, он сбрасывает пиджак и в один шаг сокращает дистанцию между нами. Его ладони уверенно ложатся на мою талию, притягивая к себе.

— Как мои любимые? — бархатный, низкий голос вибрирует у самого уха, и Роман запечатлевает долгий поцелуй на моем виске.

Его губы обжигают горячие, до боли знакомые. Шлейф дорогого парфюма мгновенно заполняет прихожую, и на долю секунды слабая, глупая часть меня готова сдаться. Готова поверить, что вчерашний кошмар, грязные скриншоты, чужие обнаженные тела и удушающее «наш малыш», всего лишь затянувшийся бред воспаленного разума.

Я растягиваю губы в улыбке, понимая, что самое ужасное, что я могу сделать, это заниматься самообманом.

— Мы в порядке, — отзываюсь, не отводя глаз. — Руки мыть, ужин уже на столе.

Из гостиной с топотом вылетают дети. Дочка с разбегу повисает у него на шее, сын намертво обхватывает мужскую лодыжку. Роман со смехом подхватывает мелкого, подбрасывая к потолку, и целует дочь в пушистую макушку.

Я застываю у стены, глядя на эту сцену, и чувствую, как внутренности скручивает в тугую, раскаленный узел.

Потрясающий отец, на удивление. Внимательный и чуткий муж. И какой же, господи, виртуозный, хладнокровный лжец.

За ужином я превосхожу саму себя в актерском мастерстве. Наполняю его бокал рубиновым вином, подкладываю на тарелку легкий салат, вовремя и искренне смеюсь над его рассказами о курьезах в офисе. Семейную идиллию нарушает дочка, она вдруг перестает возить вилкой по тарелке и хмурится, глядя на отца.

— Пап, ну почему ты опять так поздно? Ты же обещал, что в эти выходные мы наконец-то поедem в парк на аттракционы...

Роман ласково опускает ладонь на ее голову, перебирая пальцами тонкие пряди.

— Прости, солнышко. Навалилось все сразу. Но я обязательно что-нибудь придумаю, выкрою для нас день. Обещаю.

Он переводит взгляд на меня, безмолвно ища поддержки и одобрения у своей надежной тыловочки. Я мягко улыбаюсь в ответ и накрываю его свободную руку своей ладонью.

— Наш папа очень много работает, милая, чтобы у нас с вами было все самое лучшее. Мы же все понимаем и готовы немного подождать, правда?

Мой голос звучит как чистейший мед — ровно, нежно и убаюкивающе. А внутри меня в этот момент закипает глухая, черная ярость.

Перед глазами настойчиво крутится картинка, как он точно так же гладит по волосам другую женщину. Как врет ей. Как обещает их общему ребенку приехать на выходные.

Как трахает в гостиничных люксах, а потом возвращается к нам...

После ужина наступает время привычных ритуалов. Роман послушно читает детям сказку, меняя голоса по ролям, а я поправляю сползшие одеяла. Картинка, которую я годами полировала до зеркального блеска. Но стоит нам выйти в полумрак коридора и закрыть за собой дверь детской, как Роман резко разворачивает меня к себе, прижимая лопатками к стене. Его пальцы бесцеремонно ныряют под подол домашнего платья, поднимаясь по бедрам.

— Ты сегодня какая-то невероятная, — жарко шепчет он, осыпая быстрыми поцелуями мою шею. — Давай устроим себе долгую ночь, м?

Я отчетливо ощущаю его плотное, требовательное возбуждение, сковавшее пах. Еще сорок восемь часов назад я бы послушно раскрылась навстречу этому импульсу, растворяясь в привычной страсти, но сегодня мое тело превращается в кусок сухого дерева. Я мягко, но предельно осязаемо перехватываю его запястье и убираю его руку со своего бедра.

— Не сегодня, родной. С ног валюсь, и виски так давит, что в глазах темнеет.

Роман на мгновение застывает, вглядываясь в мое лицо, но тут же понимающе кивает и запечатлевает короткий, целомудренный поцелуй на моем лбу.

— Конечно. Ложись, отдыхай. Я сам все приберу.

В его интонации нет ни грамма досады или раздражения. Только бесконечная, обволакивающая забота. И именно эта его святая безупречность выводит меня из себя сильнее, чем если бы он устроил скандал.

Ночью я лежу в абсолютной темноте, уставившись в пустоту над головой. Роман спит глубоко и безмятежно, его дыхание мерится ровными циклами, а тяжелая рука собственнически покоится на моей талии. Горячие слезы бесшумно скатываются по вискам, мгновенно впитываясь в шелк подушки.

Ни одного всхлипа, ни одного судорожного вздоха я себе не позволяю. Просто лежу и заново перемалываю в мыслях каждую прочитанную строчку, каждое порнографическое фото, каждое его влажное «скучаю» в чужих диалогах.

Никаких сцен не будет. Не сейчас и точно не на его условиях.

Я слишком долго создавала репутацию идеальной, невозмутимой жены, чтобы спустить все в унитаз банальным кухонным скандалом с битьем тарелок. Пусть пребывает в абсолютной уверенности, что ничего не изменилось. Пусть думает, что его законная женщина по-прежнему слепа, глупа и бесконечно счастлива.

Я пока не знаю, какую именно цену он заплатит за этот обман. Но я буду документировать каждый его шаг. Накапливать факты. Выжидать. И когда конфигурация станет идеальной, я нанесу удар такой сокрушительной силы, что его мир разлетится в мелкую щепу.

На рассвете Роман бесшумно поднимается. Заставляю себя дышать ровно, симулируя глубокий сон. Из коридора доносятся тихие шаги, он заглядывает к детям, шепчет им какие-то ласковые утренние глупости, и до меня долетает сонный спросонья смех дочери.

Затем щелкает замок входной двери. На улице глухо заводится и плавно удаляется мощный двигатель внедорожника.

И только когда он уезжает, я наконец открываю глаза. Встаю и подхожу к окну, провожая взглядом пустой переулочек. В голове, сменяя хаос, начинает выстраиваться четкий алгоритм. Это не будет банальный развод с разделом имущества и слезливыми алиментами. Мне нужно нечто куда более глубокое. Тонкое и болезненное.

Что ж, пусть мой образцовый муж продолжает играть роль главы семейства.

Я с удовольствием посмотрю, как он справится, когда правила в этой игре начну устанавливать я.

Спасибо вам за такой эмоциональный прием новинки! Я всем очень-очень рада)

И приглашаю в классную новую историю нашего литмоба!

Измена. Опостылевшая жена

https://litnet.com/shrt/x_D2

— Да, я тебя разлюбил! Охладел! Потерял интерес как к женщине! — взрывается муж. — Дочери я всё расскажу сам, — уже спокойнее рассуждает он. — На ближайших выходных съеду и сразу же займёмся разводом.

— Как у тебя всё складно получается... — не скрываю сарказма в голосе. — Не нужно быть гением, чтобы понимать — ты давно всё

продумал, поэтому тебе так легко.

 — Кто сказал, что мне легко? — он вонзается в меня взглядом.

 — Когда любишь другую — море по колено, — склоняю голову на бок и смотрю на него как на ничтожество, которым он и является. — Особенно если она молодая двадцатилетняя козочка с длинными ногами, вроде тех практиканток, которых к вам в офис присылают пачками. Но не переживай, даже если ты и ударился в роман с зелёной соплёй, мне до этого нет никакого дела.

 Уже неважно, что он скажет дальше, потому что на слове «практикантки» у него предательски дёрнулось горло...

 Мы развелись и не виделись несколько лет.

 А потом бывшего мужа вдруг принесло на порог моего дома...

 Назад к опостылевшей жене!

Глава 5. Ночь решений

Лежу неподвижно уже третий час, уставившись в пустоту над головой. Справа от меня тяжело, размеренно дышит сытый и спокойный Роман, абсолютно уверенный в собственной безнаказанности. Его тяжелая ладонь до сих пор поперек лежит на моем бедре, несмотря на то что я давно сместилась к самому краю матраса. Аккуратно, едва дыша, я перехватываю его пальцы, убираю эту чужую теперь тяжесть со своего тела и сползаю на пол. Шелк халата едва скользит по плечам. Босые ступни обжигает прохлада паркета, пока я тенью крадусь по темному коридору в сторону кабинета.

Дверь поддается без единого звука. Чтобы не резать глаза ярким светом, я щелкаю тумблером настольной лампы, и узкий луч матового золота тут же падает на массивную столешницу.

Ноутбук мужа закрыт, но дело не в нем, я точно знаю, где он держит то, что не предназначено для семейного архива. Бесшумно выдвигается нижний скрытый ящик. Пальцы механически, с пугающей скоростью перебирают плотные папки, пока не натываются на небольшое кожаное портмоне.

Вот и она.

Вторая банковская карта, о существовании которой я не должна была догадываться. Я достаю смартфон и методично, ловя фокус, щелкаю ее с обеих сторон.

Затем открываю крышку ноутбука. Корпоративный пароль Романа не менялся последние года три, поэтому я вбиваю его по памяти. Секунда, и передо мной разворачивается личный кабинет интернет-банка.

Выписки. Бесконечные полотна цифр и транзакций. Я отматываю календарь на месяцы назад, и экран мобильного начинает безостановочно поглощать скриншот за скриншотом.

Бутики, закрытые загородные клубы, ювелирные бутики, регулярные снятия крупных сумм наличными в одних и тех же банкоматах на окраине. И даты. Я открываю пустую заметку в своем телефоне и начинаю составлять график его предательства. О, как иронично у нас вышло.

12 марта — бронь люкса, 27 апреля — повторный платеж туда же, 8 мая — безадресный перевод на крупную сумму.

Все с корнем врастает в те переписки, которые я раскопала накануне. Пазл складывается идеально, ребро к ребру.

Внутри, прямо под ребрами, закипает странный, темный коктейль из удушающей ярости и болезненного, почти наркотического азарта.

В той же заметке я составляю четкий план, по которому должна действовать.

Пока пальцы вбивают пункты, тело наливается вибрирующей энергией, а внизу живота концентрируется горячее тепло. Бёдра непроизвольно сжимаются, реагируя на этот внутренний спазм. Это физическое проявление чистой, несвязанной злости и силы, которая слишком долго спала под маской женственности.

Внезапно из коридора долетает едва слышный шорох, и я понимаю, что пора сворачиваться. Быть рано пойманной, означает провалить свой план.

Одним движением я захлопываю крышку ноутбука, гашу лампу и тихим движением выскальзываю в коридор, перетекая в пространство ванной комнаты. На ощупь поворачиваю смеситель до упора, и тугие, почти кипящие струи с шумом ударяют в кафель. Я шагаю под этот обжигающий поток прямо в халате, позволяя воде пропитать ткань, и закрываю глаза. И именно здесь, под этот плотный монотонный гул, я впервые выпускаю на волю свои самые грязные фантазии.

Я отчетливо, во всех деталях представляю, как Роман теряет все.

Как я, с этой же мягкой, привычной полуулыбкой планомерно и красиво вынимаю несущие сваи из его безупречного мира.

Представляю, как он, раздавленный и жалкий, сползает на колени, пытаюсь поймать подол моего платья, а я смотрю на него сверху вниз с абсолютным безразличием. А потом картинка меняется, и я вижу себя с кем-то другим. Незнакомый мужчина, жесткие, чужие руки, грязный, первобытный секс на вылет... месть в каждом изломе тела, в каждом выдохе. Эти мысли пугают своей дикостью, но одновременно вызывают мощную, темную волну возбуждения. Ему можно трахать других, да? А я должна сидеть дома и покорно ждать, пока он нагуляется... Так?

Соски каменеют под мокрым шелком, между ног становится невыносимо горячо и тесно. Я медленно веду ладонью вниз по собственному телу, пальцы на секунду задерживаются на пульсирующей плоти, проминая ее сквозь влажную ткань. Короткий, рваный выдох срывается с губ. Я сознательно останавливаю себя в шаге от разрядки. Не сейчас. Нужно сохранить эту скопившуюся, ядовитую силу внутри. Она мне необходима.

Я выключаю воду, наспех промокаю кожу полотенцем. Из зеркала на меня смотрит чужачка: мокрые, облепившие лицо пряди, лихорадочный блеск расширенных зрачков и пугающая, застывшая маска решимости.

Стоит мне приоткрыть дверь ванной, как я едва не сбиваю с ног дочь. Она стоит в полумраке коридора в своей мятой розовой пижаме с зайцами, руками протирая заспанные глаза.

— Мам... а почему ты плакала? — ее сонный, тонкий голосок отрезвляет.

Сердце на секунду спотыкается, и я мгновенно опускаюсь перед ней на корточки, мягко заправляя влажную прядь за ее ушко, и возвращаю на лицо самую теплую, самую материнскую улыбку из своего арсенала.

— Тебе приснилось, глупышка. Мама просто никак не могла уснуть и пошла принять душ. Все хорошо, котенок.

Она послушно кивает, но ее детский, еще не замыленный взгляд задерживается на моих глазах на пару секунд дольше обычного. Я целую ее в прохладный лоб и бережно веду обратно в детскую. И пока укрываю ее одеялом, подстраиваясь под ее возвращающееся дыхание, в моих висках набатом стучит только одна фраза.

Завтра я начну мстить!

Так, ну что, Лера готова вступать в бой))) посмотрим, что у нее выйдет)

И приглашаю вас погрузиться в эмоциональную историю нашего литмоба!

Измена. Пепел твоих обещаний

<https://litnet.com/shrt/8I-1>

— На ужин с акционерами ты не идешь, я пойду туда с другой, — безжалостно говорит муж, глядя мне в глаза.
 — Ты в своём уме?! У нас семья! Сын! А ты... — в шоке выдаю я.
 — Максимум исполнилось двадцать три. Он взрослый мужчина. Он меня поймёт. А ты не разводи драму и не делай мне мозги!
 Мы же любим друг друга! Любили... целых двадцать четыре года. А теперь что — развод?
 — Зачем тебе развод в сорок три? — усмехается Вадим. — Замуж, что ли, собралась? Не смейся... Я на своей женщине жениться не собираюсь. Меня всё устраивает. Так что оставь всё, как есть. Многие живут подобным образом...
 Крест на старушке поставил? Думает, раз мне сорок три года, то я стану терпеть эту грязь в своём доме? Ох, как я тебя удивлю, милый!

Глава 6. Первая встреча с адвокатом

Пластиковый корпус флешки въедается в ладонь, оставляя на коже глубокий прямоугольный отпечаток. Я сижу в приемной уже третью четверть часа, и эта затянувшаяся пауза парадоксальным образом успокаивает.

Лицо держит привычную, выверенную годами геометрию — маска благополучной, невозмутимой женщины не дает сбой. Вокруг расстилается сдержанная роскошь минимализма: приглушенные кофейные тона, тяжелая кожа кресел, едва уловимый аромат дорогого парфюма и зернового кофе. Здесь пахнут крупными гонорами и чужими крахами.

— Валерия Николаевна, проходите, вас ждут, — кивает секретарь.

Я поднимаюсь, плавным движением разглаживаю складки на подоле платья и толкаю тяжелую дверь.

Марина встречает меня за массивным столом. Женщина неопределенного возраста — где-то между сорока и пятьюдесятью, — с безупречным каре и глазами цвета мокрого асфальта. Ее рукопожатие оказывается по-мужски сухим и коротким. Она указывает на стул напротив, не тратя время на светские предисловия.

— Слушаю вас, Валерия.

Вместо ответа я молча двигаю по полированному дереву черный накопитель. Марина перехватывает его, вставляет в разъем ноутбука, и тишину кабинета нарушает лишь мерный, сухой стук колесика мыши.

Я неотрывно слежу за ее лицом. Профессиональная броня адвоката держится прочно, но дважды, на папках с банковскими выписками и интимными снимками «Н», ее брови едва заметно ползут вверх.

— Впечатляет, — резюмирует Марина, откидываясь на спинку кресла. — Фактура плотная. Систематические адюльтеры с несколькими партнерами, нецелевой расход семейного бюджета, подтвержденные чеки из отелей и ювелирных салонов. В суде это весомый козырь, способный сильно скорректировать долевой раздел в вашу пользу.

Она начинает раскладывать ситуацию на сухие юридические составляющие. Говорит о классических ходах мужчин ее круга: попытках спешно вывести активы в офшоры, переписать коммерческую недвижимость на престарелых родственников или провести крупные суммы как фиктивные бизнес-расходы. Марина без прикрас предупреждает об ответной грязи, которая неизбежно полетит в мою сторону: обвинения в незаконном сборе личных данных, попытки настроить детей, использование административного ресурса и связей Романа.

Я слушаю этот монотонный перечень рисков, но внутри меня не остается места для страха. Каждое ее слово, каждый юридический термин лишь сильнее раздувают тлеющий на дне души уголь.

— Я хочу, чтобы у него не осталось ничего, — срываюсь на полуслове.

Голос звучит пугающе ровно, почти обыденно, но внутри этот звук отзывается острой, леденящей волной. Это странное, почти физическое освобождение — впервые произнести свою черную изнанку вслух, доверив ее чужому человеку.

Марина замолкает, внимательно вглядываясь в мои зрачки, словно оценивает степень моей вменяемости. Затем удовлетворенно кивает.

— Понимаю. Тогда наш девиз — абсолютная тишина. Вы возвращаетесь домой и продолжаете образцово исполнять роль счастливой супруги. Никаких намеков, никаких косых взглядов или перемен в поведении. Продолжайте фиксировать все, что удастся перехватить. Я пока займусь подготовкой договора.

Стилус скользит по экрану планшета. Я подписываю обязательства не задумываясь, рука идет твердо, без малейшего тремора. Пока мы проговариваем детали нашей «стратегии мол-

чания», я отчетливо чувствую, как внутри меня с глухим щелчком переключается последний тумблер. Прежняя Валерия, любящая и преданная, окончательно мертва.

Теперь здесь дышит кто-то другой. Тот, кто умеет ждать.

Спустя сорок минут я покидаю кабинет. В приемной по-прежнему царит полумрак, но у самого выхода я практически сталкиваюсь лицом к лицу с новой посетительницей. Молодая, ухоженная, но сейчас абсолютно разбитая: глаза пунцовые от слез, по щекам грязными дорожками размазана тушь. В ее дрожащих пальцах зажата точно такая же папка с семейным компроматом. На секунду наши взгляды пересекаются. В ее зрачках я вижу до боли знакомое отражение — ту же дикую смесь из смертельной обиды и прорастающей сквозь нее ледяной ярости.

Молча делаю шаг в сторону, уступая ей дорогу, и выхожу на крыльцо.

Резкий, сырой воздух мегаполиса бьет в лицо, заставляя сделать глубокий вдох. Я сажусь в салон автомобиля, захлопываю дверцу и долго смотрю сквозь лобовое стекло на серые коробки высоток, не заводя двигатель.

Пора домой... Играть свою роль.

Приглашаю вас в яркую новинку нашего литмоба!

После измен. Хватит быть удобной

<https://litnet.com/shrt/KOAz>

Весь офис знал, что у моего мужа любовница.

 Кроме меня.

 Об этом я узнала из чата, где добрые коллеги обсуждали видео с очередной пьянки.

 Семь лет брака закончились одним корпоративом.

 А потом муж искренне удивился, почему я хочу развод.

 Всё хватит. Хватит быть удобной!

Глава 7. Разговор с дочерью

По торопливой, почти рваной дробе шагов в коридоре я безошибочно узнаю дочь. Рука с деревянной лопаткой замирает над сотейником с соусом. Я делаю глубокий вдох, заставляя лицевые мышцы послушно натянуть привычную маску — ту самую мягкую, убаюкивающую улыбку образцовой матери.

Дочка застывает в проеме, не снимая школьного рюкзака. Ее глаза, точная копия моих собственных, сканируют меня с пугающей, совсем не детской проницательностью.

— Мам... у нас вообще все нормально? — вместо приветствия бросает она.

— Разумеется, котенок. С чего вдруг такие мысли? — я очень стараюсь, чтобы интонации звучали воздушно, почти беспечно.

Делаю шаг навстречу, привлекаю ее к себе за хрупкие плечи и утыкаюсь губами в макушку.

— Папа в последнее время возвращается глухой ночью, — говорит она в мою ключицу. — Да и ты... какая-то не такая. Словно тебя здесь нет. Смотришь сквозь вещи.

Я мягко отстраняюсь, пожимаю плечами и демонстративно возвращаюсь к плите, пряча лицо в облаке пара. Только бы она не разглядела мои зрачки.

— У папы сейчас колоссальный проект, милая. Он на износе. А я просто немного выдохлась к концу недели, обычная усталость. Ничего криминального.

Но дочка не принимает эту фальшивку. Сбросив рюкзак на пол, она забирается на высокий барный стул и буквально буравит меня взглядом.

— Раньше он хотя бы субботу и воскресенье проводил с нами. А сейчас...

Ее слова бьют по живому. Чтобы прервать этот допрос, я поддвигаю к ней деревянную доску и киваю на нож.

— Давай-ка лучше поможешь мне с ужином? С меня мясо, с тебя — овощи. Как в старые добрые времена.

Она соглашается неохотно, со вздохом берется за нож, и какое-то время мы работаем синхронно. Перебрасываемся дежурными фразами о школе, оценках и учителях, но невидимый магнит упорно стягивает ее мысли к одной точке. К нему.

Она вдруг начинает вспоминать, как Роман раньше засиживался у ее кровати, читая вслух громоздкие фэнтези-романы, как менял голоса, разыгрывая сцены по ролям, и как она засыпала, намертво вцепившись в его большую теплую ладонь. Я механически переворачиваю куски мяса на сковороде, чувствуя, как в горле разрастается тугой, шершавый ком.

— Он так смешно рычал за дракона... — дочка едва заметно улыбается, кроша морковь неровными кубиками. — Помнишь?

— Помню, — выталкиваю из себя, заставляя губы раздвинуться.

Горло резко перехватывает спазмом.

На кухонном острове коротко, требовательно вибрирует мой телефон. На заблокированном экране всплывает текстовый блок от Романа: *«Застрял на тяжелых переговорах. Буду очень поздно, не ждите. Целую».*

Я пытаюсь перевернуть смартфон дисплеем вниз, но траектория ее взгляда оказывается быстрее, и дочь успевает считать текст.

— Опять? — в ее голосе отчетливо проскальзывает надлом.

Оставшуюся часть ужина мы готовим в удушающем, вакуумном беззвучии. За столом она лишь бесцельно гоняет вилкой еду по тарелке, а я насильно заталкиваю в себя куски, которые кажутся безвкусным картоном.

Наконец, посуда убрана в посудомойку. Я стою у раковины, когда дочка внезапно подходит со спины и крепко, со всей детской отчаянностью, обнимает меня, уткнувшись лицом между лопаток.

Разворачиваюсь, опускаясь перед ней на корточки, и намертво вжимаю ее маленькое тело в себя. Она прячет нос в изгибе моей шеи и выдыхает — почти беззвучно, одним лишь горячим воздухом:

— Мам... я ужасно боюсь, что вы разведетесь.

Удар приходится точно в солнечное сплетение. Вся моя хваленая выдержка, вся адвокатская стратегия «тишины» сыплется в прах. Я отчаянно пытаюсь сдержать подступающую судорогу в груди, но слезы все равно пробивают плотину, такие крупные, горячие, предательские капли.

Сильнее стискиваю дочку в объятиях, лихорадочно глажу ее по волосам, покрываю поцелуями виски, а сама беззвучно, одними глазами плачу в ее пушистую макушку. Внутри меня все горит и рушится. Больше всего на свете я хочу оградить ее от этой ментальной гнили, защитить ее детство, но холодный рассудок шепчет, что уже поздно. Ядовитая трещина уже пошла по нашему семейному портрету, и ее не закрасить.

— Не бойся, солнышко, — шепчу сорванным, дрожащим голосом. — Все обязательно будет хорошо.

Я лгу ей. Точно так же, как Роман лжет мне. Как все мы теперь лжем в стенах этого проклятого дома.

И в этот самый момент в моей руке, которой я продолжаю прижимать ребенка к себе, снова оживает телефон. Мелкая, зудящая вибрация. Я неосознанно поднимаю запястье и бросаю взгляд на светящееся стекло.

На экране отображается незнакомый номер.

И одна короткая строчка: *«Вы жена Романа?»*

Сердце делает один дикий, глухой толчок и замирает, превращаясь в лед.

Глава 8. Роман приходит «помириться»

Щелчок замка раздается раньше обычного. Я так и замираю с тарелкой в руках. Роман перешагивает порог, удерживая огромную охапку белых роз, их приторный, удушливый аромат мгновенно вытесняет воздух из прихожей. На его лице блуждает та самая виноватая полуулыбка, которая когда-то заставляла меня терять волю.

— Сбежал пораньше, — роняет он, избавляясь от букета и тут же перехватывая мою талию. — Больше не мог ждать.

Его поцелуй — глубокий, клеймящий, собственнический. Я покорно тянусь навстречу, но внутри всё каменеет. От его кожи пахнет не только привычным парфюмом: сквозь него пробивается чужой, леденцово-сладкий шлейф. Мутит.

Дальше начинается отточенный ритуал: мерцание свечей, блики на бокалах с дорогим вином, аккуратная нарезка сыра.

Фоном тихо шуршит джаз, тот самый, под который мы когда-то... Впрочем, неважно. За столом Роман говорит без умолку. Жалуетесь на изматывающий стресс в офисе, на дикую усталость, на то, как отчаянно ему не хватало «нашего уединения». Я послушно киваю, растягиваю губы в мягкой улыбке, заботливо пододвигаю к нему тарелку. Идеальный фасад понимающей жены, а за ним, в темноте, медленно закипает густая, черная ярость.

Из-за стола он мне выйти не дает. Перехватывает у самой стены в гостиной. Его ладони, нетерпеливые и жадные, сразу лезут под шелк блузки, сминая кожу и стискивая бедра. Губы впиваются в шею, зубы оставляют резкие, болезненные метки. Я выдавливаю привычный стон, прогибаю спину, вплетая пальцы в его волосы — роль отрепетирована до мелочей. Но когда его ладонь бесцеремонно задирает подол юбки и ложится между ног, меня прошибает ледяной пот.

Мозг взрывается одной мыслью.

Эти самые пальцы. Еще пару часов назад они ласкали другую.

В спальню он меня практически затаскивает. Одежда летит на пол, Роман вжимает меня в матрас, нависая душной, горячей массой. Когда его губы спускаются от груди ниже, а ладони раздвигают мои колени, к горлу подступает физическая тошнота. Его прикосновения кажутся липкими и оскверненными. Я зажмуриваюсь, приказывая себе дышать ровно, но каждый влажный след его языка выжигает на мне клеймо чужого присутствия. Хочется вскочить, закричать, содрать с себя эту невидимую грязь.

Он входит резким, глубоким, слишком знакомым движением, насмерть забивая выдох в моих легких. Его тяжесть, капли пота, падающие на мою грудь, навязанный ритм — всё это превращается в изощренную пытку.

Предательское тело откликается механической влагой, но сознание бьется в истерику. Каждый толчок, как удар наотмашь. От его близости разит чужими женщинами.

Меня использовали. Мной просто попользовались после кого-то.

Лимит выдержки ломается мгновенно. Я с силой упираюсь ладонями в его плечи и грубо толкаю вверх, ломая привычный сценарий.

— Хватит... пожалуйста, не надо, — хриплю, отворачивая лицо к стене. Голос предательски дрожит. — Мне плохо. Правда плохо.

Роман застывает, его тяжелое дыхание обжигает мне ухо. В полумраке я успеваю заметить вспышку глухого раздражения, которую он тут же гасит, натягивая маску заботливого мужа.

— Конечно, маленькая. Прости, увлекся.

Роман отстраняется, оставляя на бедре влажный, остывающий след. Меня едва не выворачивает. Сжавшись в позу эмбриона, я замираю, транслируя абсолютную недоступность. Роман пристраивается сзади, закидывая тяжелую руку мне на талию. В местах его недавних касаний кожа горит так, словно меня окатили кислотой.

Смыть! Скрести мочалкой до крови. Стереть этот вечер из памяти.

Утром, решив, что я сплю, Роман бесшумно выскальзывает из постели. Из приоткрытой двери коридора доносится его приглушенный, интимный баритон. Тот самый, которым он когда-то признавался в любви мне.

— Доброе утро, девочка моя... Уже скучаю. Сегодня обязательно приеду, жди. Целую везде...

Щелчок блокировки телефона звучит как выстрел в упор. Но боли больше нет. Сердце не сжимается — оно просто превращается в кусок льда. Я лежу, уставившись в блеклый потолок, и чувствую, как внутри выстраивается безупречный, холодный каркас. Обида выгорела, оставив чистый, прозрачный расчет.

Пусть играет свою роль дальше. Главное — не мешать ему проигрывать.

Прошу прощения за задержку) срочные дела были)

Приглашаю вас в яркую новинку нашего литмоба!

Измена. Навязанная жена

https://litnet.com/shrt/1QE_

- Ко мне сегодня на улице подошла одна девушка. Сказала, что твоя любовница. Это правда? – Спрашиваю я, не дыша.

- Правда. – Бьет одним словом наотмашь.

- Что? Правда? И ты так спокойно мне об этом говоришь? – Обернувшись, смотрю ему в спину, и иду следом в гостиную.

- А что мне еще сказать? Да, я встречаюсь с Ангелиной. Да, я ее люблю. Да, это правда.

- Завтра же подам на развод, а ты иди к своей Ангелине, и живите, как хотите.

- Подашь на развод? Валяй, но мальчики останутся со мной, при любом раскладе. И я еще подумаю, позволять им с тобой видаться по выходным или только по праздникам.

- Как ты можешь? – В ужасе спрашиваю я.

- Могу, Алина. И даю тебе выбор. Либо ты забываешь об этой встрече, и мы живем, как жили.. Либо станешь для них воскресной мамой. Решать тебе. – Он говорит это так категорично, что у меня не остается сомнений в том, что он говорит это на полном серьезе. – Но развода я не дам, меня все устраивает. И тебя должно, если ты хочешь остаться единственной матерью для наших мальчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.